

Девочки (дневник матери)

Публикацию
подготовила
А. Раскина.

Продолжение.
Начало в № 8–12
за 2010 год
и в № 1–7 за 2011 год

**Гале Кулаковской 13 лет,
Саше Раскиной 7 лет 10 месяцев.
8 марта 50.**

Галя:

— Ох, мама, мне девочки поручили написать учительнице поздравление с Женским днем, а я не могу: опять — поздравляем, желаем, обещаем...

Саша:

— А ты пиши от души, тогда хорошо получится.

Галя:

— У меня душа неразговорчивая.

Саша:

— Как называть меня дурой, так она у тебя разговорчивая?

Почему так: на ругань душа разговорчивая, а на хорошие слова — молчаливая?

22 марта 50.

Саша:

— У меня очень хорошее расположение духа. Только бы меня никто не обидел.

25 марта 50.

Галя:

— Собак боится, темноты боится — какой же это мальчик?

Она же:

— Мне этот мальчик не нравится потому, что он развит не по летам.

1 апреля 50 — день рождения Корнея Ивановича!

2 апреля 50.

— Саша, ты что задумалась?

— Так...

— Ну все-таки... О чем ты думаешь?

— Про коммунизм.

— Что же ты думаешь про коммунизм?

— Я думаю, как хорошо всем будет. Будет много атома и все станут жить по 300 — 400 лет. И будут летать на звезды. Вот ты полетишь на какую-нибудь красивую звезду и будешь там пить чай со своими знакомыми...

7 апреля 50.

Саша рассказывает Гале сказку собственного сочинения: «...Бабы — так они называли женщин».

*

Саша:

— Мама, скажи мне что-нибудь ласковое!

Я:

— Мое сердце полно нежности к тебе, о дочь моя!

Саша, поморщившись:

— Я не люблю, когда говорят такие длинные слова. Скажи просто: «Я тебя люблю!»

*

Шура (мне):

— Ты что, хочешь со мной поссориться?

Саша:

— Вообще нет! Разве ты не видишь: у мамы очень дружелюбное лицо.

8 апреля 50.

В задачнике есть параграф: «Составить задачу о том, как брат подарил трем своим сестрам поровну картинок».

Саша составила такую задачу: жили-были три сестры, и они ухитрились сделать так, что рождение у них у всех было в один день. И вот, готовятся они к своему дню рождения, хлопочут. А их брат думает: «Что бы такое им подарить?» Смотрит, у него над кроватью висят картины — целых шесть. «Дай, думает, подарю им эти картины». И досталось каждой сестре по 2 картины, потому что, если $6 : 3$, то получится 2.

16 апреля 50.

Я:

— Саша, с едой баловаться нельзя!

Саша:

— Так же, как и с любовью?

У меня такой ошеломленный вид, что Саша находит нужным пояснить:

— Я это на плакате прочитала. Там написано: «С любовью не шутят».

3 мая 50.

Саша:

— В первый день коммунизма, наверное, будет большая толкучка в магазинах!

14 мая 50.

Саша, увидев на улице мальчика лет десяти:

— Эй, ты, нас скоро соединят!

Мечтает о совместном обучении. Утверждает, что мальчики гораздо лучше девочек.

5 августа 50. Ильинское.

Саша:

— Мама, тетя Аня говорит, что самое главное для человека — хороший желудок. Если у человека желудок работает хорошо, ему и работать хочется, и гулять, и настроение у него хорошее. А плохо работает желудок — и человеку на все наплевать. Разве это верно?

— Нет, неверно, — отвечаю я и произношу длинную речь на тему о том, что счастье не в желудке.

Слушая, Саша одобрительно кивает головой, а под конец говорит:

— Я тоже так думаю. Я потому тебя спрашиваю и все тебе рассказываю, что, мне кажется, тетя Аня внушает мне неправильные мысли.

Такая забота о чистоте своего мировоззрения очень меня утешает.

*

У Саши с Таней Урбанович есть нелепая игра:

— Что ты выбираешь: все лампы на свете или все ленты на свете? Все игрушки или все платья? Все книги или все велосипеды?

Играют подолгу, не утомляясь бессмыслицей. И вот я слышу:
— Всех пап на свете или всех мам?

Саша:

— Конечно, всех мам!

Позднее спрашиваю:

— Почему ты выбрала всех мам?

— Видишь ли... Бывает, отцы бросают своих детей, уходят из дому. А мамы никогда не уходят, правда ведь?

*

Саша — страшная трусиха. Для того чтобы уговорить ее спрыгнуть с невысокого барьера, потребовалось полтора часа. Уговаривала вся дача. Стыдили, укоряли, помогали, зывали к са-молюбию, ставили в пример Таню, которая прыгнула с балкона. Саша пытела, краснела, обиженно надувала губы и... не решалась.

— Подумай, как папа будет доволен, когда увидит, как ты прыгаешь! — сказала тетя Люся.

Тут Саша оживилась:

— У него будет разрыв сердца, когда он увидит это! — отве-тила она.

Но в конце концов прыгнула. И сразу уверовала в себя. И стала прыгать без передышки. Но мне очень неприятно вспоми-нать об этих полутора часах. Что-то тут не так.

1 сентября 50 Саша отметила в точности так же, как и в ми-нувшем году: вернулась из школы с ангиной. Канальство!

14 сентября 50.

Шура, из соседней комнаты, жалобным басом:

— Фрида, Саша меня передразнивает...

*

Саша:

— Мама, ты не красивая, но симпатичная...

Еще в прошлом году она считала, что я красивее всех на свете.

23 сентября 50.

Саша:

— Как годы летят!.. (Задумчиво.)

5 октября 50.

Сашу выбрали звеньевой октябрятской звездочки. Она не знает, куда деваться от гордости. Сообщает об этом всем гостям и по телефону малознакомым людям.

10 октября.

На Сашу напал стихотворный стих. Сочиняет она обычно на ходу, на улице. Направление в общем сатирическое:

Папа Шура —
Папа наш.
Вот берет он карандаш.
И пишет он поэму
Про нервную систему.

Или:

Мама Соня
Сквозь зубы уронит
На еврейском языке:
«Чтоб пропасть тебе в реке!»
Ножкой топ:
«Мишугине коп!» [1]

Мама Соня обиделась и не скрыла этого. Тогда Саша закри-чала:

— Мама, мама, не обижайся, я твои хорошие стороны тоже опишу.

*

Саша:

— Мама, какую отметку ты поставишь за такие стихи:

Я сижу, сижу одинокая,
Моя жизнь вся прошла, жизнь далекая...

— Видишь ли, если сравнить их с пушкинскими стихами...

— Ну что ты! Я понимаю: если сравнивать с пушкинскими, так это даже не единица. Ну а если не сравнивать?

— Все равно двойка...

Саша, со вздохом:

— Ты думаешь? Ну что ж, буду стараться дальше!

*

Мы были у Кены. Ее родители приехали с юга и привезли виноград. Чтоб не испортился, развесили его на прочной нитке. Саша поглядела-поглядела и сказала:

Головой касаясь винограда,
Я хожу по комнате чужой,
Но я этому совсем не рада:
Ведь виноград не мой!

И поспешно добавила:

— Я рада, это просто для рифмы!

12 октября 50.

Саша:

— Не знаю, право, чего хочет от нас наша учительница. В классе гробовая тишина, а она все недовольна и недовольна.

*

Мы с Сашей гуляем, я держу ее за руку.

— Пальцы какие тоненькие, — говорю я, — как бы не сло-мать.

— А ты сломай! Мама, ну, пожалуйста, сломай!

— Ну, что ты! Разве можно! Как же ты будешь без руки? И что скажет папа?

— Папа? А вот: ты придешь и скажешь: «Шура, я сломала Саше руку». А он очень тихо спросит: «Как это случилось?» Ты ответишь: «Саша меня об этом попросила». Тогда папа тихо скажет: «Фрида, мы видимся с тобой последний раз». И разойдется.

14 октября 50.

Саша:

— Мама, мне хочется написать на кого-нибудь рецензию!

18 октября 50.

Саша:

— Мне учительница сказала, что у меня большой запас слов!

Уж кто-кто, а мы знаем, какой у Саши запас слов. Шура ска-зал:

Не видел я ослов

С большим запасом слов.

Саша ценит юмор — не обиделась.

20 октября 50.

Саша:

— Мама, нас в классе спросили, что такое социализм? Я ска-зала: это половина коммунизма.

*

Запас слов действительно большой. Болтает с утра до вечера без передышки.

7 ноября 50. Галино письмо:

«Мамочка!

Оставляю мой и Сашин табель в ящике моего стола, разница, конечно, большая. Но *честное слово*, я все эти отметки во 2-й четверти исправлю. Сейчас я иду выступать в детский сад, а потом на Сретенку. Поздравляю с праздником. Не огорчайся. Галя».

11 ноября 50.

Саша:

— Мама, у нас сегодня в школе была делегация и два негра — один шоколадный, а другой синенький.

23 ноября 50.

Саша:

— Мама, я сделала вывод, что у нашего папы характер добро-душный.

6 декабря 50.

Саша:

— Дядя Фима [2] такой хороший, что его можно уже считать *негостем*.

Саша с Е. Г. Эткиндром («дядей Фимой»).

25 февраля 51.

Фима:

— Больше всех я люблю Пушкина. Потом Чехова и Толстого...

Саша:

— А Маршака?

*

Саша:

— Мама, по-моему Джамбул и Исаковский пишут одинаково. И тот и другой пишет про цветы и вождей.

11 апреля 51.

Саша:

— Мама, расстояние измеряется метрами и километрами, вес — граммами и килограммами... А любовь, чем измеряется любовь?

20 апреля 51.

Саша раза по четыре наново переписывает торжественное обещание. Готовится в пионеры. Галя читает устав комсомола.

25 апреля 51.

Саша нынче должна давать торжественное обещание. Но у нее насморк.

— Не пойдешь в школу! — говорит Шура.

— Как?! — Дом оглашается страшным воплем. Саша обливаясь слезами и причитает: — Как не пойду? А торжественное обещание?!

— Дашь осенью, ничего страшного, — спокойно возражает Шура.

— Все девочки — нынче, а я осенью?! — Новые рыдания и стенания.

Я иду в школу, разузнать, как и что. К счастью, все будет происходить не сегодня, а 27 апреля.

27 апреля 51.

Саша — пионерка.

15 мая 51.

Галя вступила в комсомол.

*

Саша:

— Мама, что это такое — «обобщать»?

— Обобщать? Гм... Обобщать — это делать выводы.

Ночью прихожу, застаю от Саши записку: «Мама, ты хотела зайти к Кене в 12. Но Кена звонила, что в 12 она в театре. Обобщение: приходи в одиннадцатый».

*

Саша:

— Мама, давай я останусь жить на Сретенке у мамы Сони и папы Абы.

— Ты что, Саша, совсем меня разлюбила?

— Мама, ну что ты. Разлюбить можно, если влюбишься. А если любишь — разлюбить нельзя.

*

Папа Аба:

— Что это у вас какой плохой замок? Обокрадут вас, смотрите!

Саша, с укоризной:

— Папа, в Советской стране — воры?!

*

Сашина учительница сказала:

— Сейчас вы будете писать сочинение о Первомайской демонстрации.

Саша:

— А если я не была?

— Саша! — сказала Ольга Адольфовна. — Ты говоришь неправду. Все дети были на демонстрации. Была и ты. Садись и вместе со всеми пиши сочинение: «Как я ходила на Первомайскую демонстрацию».

Саша послушно села и написала так: «Утро было солнечное. Трудящиеся стройными рядами шли на демонстрацию. В голубом небе был слышен рокот самолетов. Люди несли плакаты, лозунги, портреты. Всем было весело и радостно. Я шла с мамой и держала флажок».

28 августа 51.

Летом мы были в Песках. Я жучила Сашу с утра до вечера: по утрам она делала зарядку, обливалась холодной водой и училась плавать. Долго трусилась, но все же под вопли дяди Сени («Буду презирать! Перестану учить! Ненавижу трусов!») — научилась. Очень горда этим.

29 августа 51.

Галя:

— Послушай, мама, тут написано: «Этот халат — куртизанке в пору». Кто такая куртизанка?

Саша, не дав мне вымолвить ни слова:

— Куртизанка — это такая плохая женщина... Все время танцует... Жеманная...

*

Летом к нам ненадолго привозили Ниночку. Осенью ей уже идти в школу. Она хорошо читает и пишет печатными буквами. Я все думала, как сказать Саше, чтоб она не говорила с Ниночкой о ее родителях, но Саша сама сказала мне:

— Мама, ты не думай, я понимаю, что Ниночку ни о чем спрашивать не надо.

*

Ниночка сидит у Гали на коленях, прислонясь головой к ее плечу. Саша ходит неподалеку, вздыхает: то ли ей самой хочется по ближе к Ниночке, то ли ей досадно, что не она на коленях у Гали.

— Саша, — говорит Галя, — давай возьмем Ниночку в сестры!

*

Ниночка никогда не заговаривает о родителях. И вдруг спрашивает меня:

— Тетя Фрида, вы моей маме подруга?

— Да, Ниночка.

— Вы по ней скучаете?

— Очень.

И больше ни слова.

*

Ниночка сидит на крыльце, о чем-то думает, напевает потихоньку:

На окошке на девичьем
Всё горел огонек...

В лесу она спросила Галю:
— Галя, большие не скажут, а вот ты скажи: скоро моя мама
приедет?

*

Ниночка простудилась, ночью со слезами сквозь сон звала:
«Бабушка! Бабушка!»

Саша спустила с кровати босые ноги:
— Я, когда мне плохо, кричу «Мама!»

Саша, Ниночка Серман, Галя. Начало 1950-х.

Записи Ф. А. между 29 августа 1951 года и 22 июня 1952 года не были обнаружены ни в 1965 году, когда дневники передавались Лидии Чуковской для подготовки к печати, ни когда-либо позже. Теперь уже невозможно установить, вела Ф. А. свои записи в этот период или нет.

**Гале 15 лет 3 месяца, Саше 10 лет 1 месяц.
22 июня 1952. Пески, Поселок художников.**

Саша:
— Тетя Наташа, почему вы зовете папу «Александр Борисович», а он вас просто «Наташа»?
— Не знаю, Саша. Так уж получилось с самого начала.
— Значит, он вас называет без взаимности?

*

Наташа:
— У Саши трагическое мировоззрение.
Саша, мне, шопотом и тараща глаза:
— Это значит пессимистика.

*

Саша:
— Мама, я чуть не заблудилась. Иду, собираю колокольчики, думаю о коммунизме, а на дорогу не смотрю. И вдруг вижу: заблудилась.

*

Саша:
— Все, кто говорят неправду, попадут в ад.
Она же, гадая на ромашке, спрашивает:
— Мама, что лучше: «насмехается» или «к черту пошлет»?
— А зачем ты гадаешь? Разве ты не знаешь, кто тебя любит, а кто нет?
— Что ты, мама! Мне только про тебя не надо гадать. Про папу, например, уже надо. Я совсем не уверена, что он меня любит. Он вчера кричал на меня и не взял в гости.

*

Зимой Саша ходила в семью Червинских, играла с шестилетней Наташей, испытала на себе уничтожающе-презрительное отношение 14-летнего Шурика, который, что бы ни делали Саша с Наташей — все жестоко осмеивал.

Однажды, я привела туда Сашу и Галю. Шурик преобразился, был мил, любезен, весь вечер играл с девочками.

В следующее воскресенье Саша снова пошла туда, на этот раз без Гали. Вернувшись, она рассказала:

— Шурик выскочил мне навстречу такой веселый, потом нахмурился и сказал:

— А где же Галя?

Я сказала:

— Она пошла на каток.

Шурик сказал:

— Значит, променяла телевизор на каток — так, так...

Потом он позвал нас с Наташей гулять и учил меня кататься на лыжах. И был весь день очень добрый. А когда я уходила, он сказал:

— Непременно приходи к нам *всей семьей*.

*

Я:

— Саша, я пойду в сад. Можешь придти ко мне.

Саша, хмуро:

— Именно «можешь» или ты *хочешь*, чтобы я пришла?

Я, устало:

— Хочу, хочу...

Саша: — Я этого не чувствую.

Немного погодя, уж после того, как я углубилась в работу:

— Может, тебе неприятно, что я здесь?

Недаром Наташа зовет ее занудой № 1.

(Когда я работаю, Саша сидит рядом — читает, или строит дома из шашек и плиток домино).

1 августа 52.

Саша, целуя меня перед сном:

— Пожалуйста, *будь!*

7 августа 52.

— Мама, у плохих людей кровь черная или красная?

— Красная.

— Как жалко. А то бы как хорошо было бы узнавать, какой человек — плохой или хороший? У тебя бы, конечно, была красная кровь, а у меня, — добавляет она скромно, — наверное, розовая.

10 августа 52.

Галя:

— Нет такого органа «душа».

Саша:

— Органа, может, и нет, а душа есть. Твои мысли — это душа, твоя доброта — душа, твой ум — тоже твоя душа.

12 августа 52.

Саша захворала. Лежит и все время размышляет вслух:

— Мама, почему мужчины никогда не пудрятя, не красятся и не стараются быть красивее, чем они есть на самом деле, а женщины стараются?

Мама, какой ужас: Галя говорит, что мы *продаем* Корею оружие, не отдаем, а продаем — неужели это может быть? Мама, когда у нас будет дача, мы не станем продавать клубнику, а будем раздавать ее даром, правда? Сколько кому надо, столько пускай и берет.

13 августа 52.

Температура высокая. Болит горло. Не жалуется. Все толкует мне: «Ты устала. Приляг. Отдохни».

Снова возвратилась к разговору о волшебной палочке. Прежде она говорила:

— Я сделаю так, чтобы настал коммунизм.

А теперь говорит:

— Я не буду загадывать, чтоб сразу наступил коммунизм, коммунизм лучше делать самим. Но я облегчу дело. Я загадаю, чтоб

все люди были очень хорошие, а тогда коммунизм наступит очень скоро. Только вот чего я боюсь: а вдруг волшебная палочка старая, древняя, и по ней хорошие люди — это всякие цари и короли? Вот чего я боюсь.

Я сделаю так, чтобы все трехэтажные дома стали высотными, чтоб города стали зеленые, чтоб коровы давали в день по 300 ведер молока. *Вот теперь, когда я всем помогла*, я примусь за нашу семью. Я хочу, чтобы у нас было 15 комнат...

— Зачем так много?

— Всем по рабочему кабинету, столовая, гостиная, чтоб там жили гости — дядя Фима, например. Это уже 8 комнат. Так. А спать мы все будем в одной комнате. Пускай у каждого занавески и ночной столик, но все вместе. Я боюсь спать в отдельной комнате.

Да, пожалуй, десяти комнат достаточно...

Под конец я загадаю, чтоб у меня была еще одна волшебная палочка, чтоб можно было загадывать спокойно, без оглядки, сколько хочешь.

*

Боится спать в отдельной комнате, а, между тем, когда заболела Ляля и я ушла к ней ночевать, Саша осталась на всей нижней половине дачи одна.

Аграфена Филатьевна предложила перебраться к ней, но Саша отказалась. Она одержима мыслью о силе воли. Хочет ее в себе воспитывать. Поэтому прыгает спиной с верхней ступеньки крыльца, с обрыва на речке и т. д. С помощью этой же мысли научилась плавать.

19 августа 52.

Мы читаем с Сашей «Князя Серебряного».

Саша:

— Мне жалко Вяземского.

— ??? Да что ты, Саша? Он народ мучил, грабил, кровь лил, как воду.

— Так ведь это, чтобы заглушить любовь.

*

— Мама, — говорит Саша, — вот что я прочитала в книжке: когда композитор Гюго...

— Такого нет.

— А какой есть вроде Гюго?

— Гуно, может быть?

— Вот, вот. Когда композитор Гуно был очень молодой, он говорил: «Только я!» Став постарше, он говорил: «Я и Моцарт». Лет тридцати он стал говорить: «Моцарт и я», а в старости сказал: «Только Моцарт!» А Моцарт, мамочка, это великий композитор, мы даже его песенку разучивали в школе: «О май, приди скорей!».

21 августа 52.

Саша:

— Мама, в каменном веке люди умели целоваться?

— Наверное, умели.

— Как хорошо!

Наташа:

— Почему хорошо?

Саша:

— Им приятнее было жить на свете.

25 августа 52.

Читаем вслух «Князя Серебряного». Мы с Наташей шьем, Саша читает. Подумать только: ей по-прежнему жаль Вяземского!

Оправдание всё то же: «Ведь это из-за любви!».

— Мама, если даже по-советскому рассуждать, все равно князь Серебряный хороший человек — правдивый. А Годунов мне нравится такой, как у Толстого, а не такой, как у Пушкина. А тебе?

*

— Мама, Игорь Михайлович — дворянин?

— С чего ты взяла?

— А как же! Ведь он — как Д'Артаньян: Д'Яконов.

27 августа 52.

— Вот еще, мама, какое у меня есть желание для волшебной палочки: чтоб глаза у меня стали синие, а губы красные-красные, как накрашенные, но только чтобы все понимали, что они не на-

крашенные. А выражение глаз чтоб осталось прежнее, чтоб все понимали: это я, а не другая девочка.

*

Она как бедная Эльза:

— Мама, если у тебя будет еще один ребеночек, я окажусь средней дочерью, а в книгах средние дочери всегда самые плохие. Как же быть?

— Мама, когда у меня будут дети, ты будешь любить их больше, чем меня, говорят, внуков любят больше, чем детей, так говорит папа Аба. Как же быть? Что же ты не отвечаешь?

— У нас есть еще время подумать обо всем этом.

— Тогда уж поздно будет думать...

*

— Мама, мне иногда так тоскливо бывает.

— Почему?

— Потому что не коммунизм. Потому, что еще довольно много плохих людей на свете...

28 августа 52.

Саша осунулась и похудела после болезни:

— Была я как помидор, стала, как огурец...

*

Саша:

— Мама, знаешь, что в учебнике сказано про славян? Они были широкоплечи, высоки, светловолосы, голубоглазы и в еде неприхотливы. Получается, что Галя — славянка, только глаза у нее карие, и в еде она, по-моему, прихотлива.

*

Галя:

— Мама, можно грушу?

Наташа:

— Возьми пример с Саши и воспитывай волю: тебе хочется, а ты не бери.

Галя:

— Хорошо, я буду воспитывать волю; когда мне очень захочется заниматься, я преодолею свое желание и заниматься не стану.

*

Саша:

— Мама, ты могла бы дружить с женщиной, которая красит ресницы?

— Могла бы.

— Ты могла бы дружить с женщиной, которая красит ресницы?!!

Я не сказала ей, что уже дружу с такой женщиной.

*

Лето у ребят было очень хорошее. Сначала Галя изнывала от скуки и не знала, куда себя девать, и нам всем было от этого очень худо, потому что она с горя обходилась в разговоре с нами довольно скупым набором слов: «Ну и ладно!», «Подумаешь», а на любое замечание отвечала: «Мне скучно».

А потом появилась целая туча ее сверстников — один будущий архитектор, другой — биолог, третий — художник, и еще Алена с Егором.

Купались, играли в лесу в прятки. Вызывали друг друга условным свистом.

Заслышав свист, Галя сломя голову кидалась к калитке, а Саша бежала за ней, вытаращив в испуге глаза, смертельно боясь, что ее могут не взять. Но ее брали.

Дачный сезон закончился постановкой пьесы «Горе-злощастье» и концертом («Соло на скрипке — Валерий Елкин»).

Галя играла заморского королевича и была, как говорится, в образе, потому что подавала реплики в своей обычной манере — ворчливо и недовольно: «Хоть вы мне и тещь, а ваша дочь — моя супруга, но я от вас уезжаю: что это такое — денег нет, третий день к обеду вина не подают, и батюшкину шпагу пришлось заложить...»

Роль Горе-злощастья исполнял двенадцатилетний Егор. На репетициях он терял то горб, то живот, но на спектакле лицом в грязь не ударил.

В душе у Саши бушевала буря: она сама точила зубы на эту роль, но захворала. И кроме того было еще одно непреодолимое

«Горе-злосчастье». Участники — слева направо: генерал — Миша Пименов (биолог), солдат — Лева Шепелев (художник), царь Демьян — Валерий Елкин, режиссер — Галя Фрих-Хар, заморский королевич — Галя Кулаковская, царица Анфиса — Алена Вальтер, казначей — Саша Миримов-Лентулов (архитектор); на переднем плане: Горе-злосчастье — Егор Вальтер.

препятствие: Горе-злосчастье в первом действии должно сидеть высоко на дереве, а по деревьям Саша лазить не умеет.

— В будущем году научусь, непременно научусь, — повторяет она, как заклинание, и не забывает добавить: — Только бы папа не помешал... Папа всегда стоит мне поперек дороги.

5 сентября 52.

У Саши 37,8.

— Мама, при коммунизме никаких справок не будет — всем будут верить на слово. Ведь при коммунизме никто врать не станет, верно?

— Да, наверное.

— А ты почему так думаешь?

— Ты ведь сама говоришь, что коммунизм будет только тогда, когда все люди станут очень хорошие. А хорошие люди не врут.

— Врут только плохие?

— Да.

— Ой, значит я плохая?

— А ты разве врешь?

— Случается. Когда, например, ты спрашиваешь меня, чищу ли я зубы. Потом знаешь, мама, какое меня сомнение берет? Ты говоришь, что Галя очень правдивая. А я думаю — не такая уж она правдивая.

— Почему ты так думаешь?

— А потому что она часто мне говорит: «Ты врешь!» И как раз тогда, когда я говорю правду.

*

Саша:

— Когда я буду учить детей, я *никогда* не буду на них кричать.

*

— Тетя Нора — вот это женщина: не пудрится, не красится...

*

— Папа, знаешь, какое твое самое любимое выражение?

— Какое же?

— «Ну что ты там так глупо хихикаешь?»

*

Я:

— Этой зимой Саше непременно надо купить коньки.

Шура:

— Безусловно.

Саша:

— Папа, ты остришь или говоришь серьезно?

6 сентября 52.

Саша:

— У папы есть еще одно любимое выражение: «Поговори, поговори у меня!». И еще у папы любимое выражение: «Пороть! пороть! пороть!»

7 сентября 52.

Саша:

— Папа, ты умный?

Шура:

— А как же!

Саша:

— Тогда быстро-быстро скажи мне какое-нибудь животное на «а», только не антилопу.

Шура:

— Орангутанг.

Саша:

— Ну, что ты, папа! Как будто я не знаю, что «оранг» начинается с «о»!

Шура:

— Аллигатор!

Саша:

— Ух ты!!!

*

Саша:

— Mam, как жалко, что я не была большой во время войны.

— А что бы ты тогда делала?

— У-у-у!

*

Саша читает рукопись, присланную мне на рецензию.

— Не нравится, — говорит она.

— Почему?

— А тебе разве нравится?

— Тоже нет. Но я пока не могу объяснить, почему.

— А я могу, — говорит Саша. — Тут много возвышенных слов, которых ты не любишь. И есть еще другие слова — не возвышенные, но противные: «первоклашки», «непроливашки», «малышки».

Когда я была маленькая, мне все рукописи нравились. А теперь не все. Ты мне раз объяснила про одну рукопись, почему она плохая, и я поняла. Когда я была маленькая, мне очень нравилась книга «Уходим завтра в море». Я три раза ее читала и каждый раз она мне нравилась. А теперь прочитала и вижу: плохая книга и писатель нетактичный.

— ?

— Ну как же. Один отец говорит товарищам своего сына: «Очень хорошо, что вы приняли его в свою дружную семью. А то его мамаша очень его избаловала». Разве можно так про мать говорить?

(Продолжение следует)

[1] «Сумасшедший» на языке идиш.

[2] Ефим Григорьевич Эткинд, ленинградский литературовед, друг Ф. А. и А. Б. В 1949 году, в разгар борьбы с космополитизмом, был уволен из университета, не мог найти работы в Ленинграде и преподавал в Туле. Семья оставалась в Ленинграде, и он часто ездил туда и обратно, останавливаясь по дороге в Москве «на Ермолаевском».